

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-43-71

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ “БОЛЬШОЙ ИГРЫ” КЛАССИКАМИ РУССКОЙ ШКОЛЫ ГЕОПОЛИТИКИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена осмыслению сущности “Большой Игры” (The Great Game) — политики сдерживания развития России англосаксонскими элитами и державами, насчитывающей уже более двух столетий, классиками русской школы геополитики. Автор статьи рассматривает геополитические концепции основоположников цивилизационного подхода и цивилизационной геополитики — Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, представителей панславизма (Р.А. Фадеева, И.И. Дусинского), военно-стратегического направления (Д.А. Милютин, А.Е. Вандама, А.Е. Снесарева), евразийства (П.Н. Савицкого), Ю.С. Карцова, В.П. Семенова-Тян-Шанского, П.Н. Дурново.

Автор подчеркивает, что развитие русской геополитической мысли происходило в условиях отсутствия политического заказа со стороны государства, а также политических и экономических элит на выработку геополитической стратегии развития России и осуществления ее внешней политики. К сожалению, констатирует автор, многие идеи классиков русской школы геополитики (в частности по осмыслению ими сущности, содержания и динамики “Большой Игры”) оказались невостребованными правящими кругами и правительствами, среди которых было много лиц англофильской ориентации, продвигающих идеи союзнических отношений с Англией в ущерб национальным интересам России.

В то же время, отмечает автор статьи, осмысление сути и особенностей развития событий “Большой Игры” представителями русской школы геополитики в значительной степени осуществлялось фрагментарно, часто в аспекте анализа многовекового цивилизационного противостояния России и романо-германского культурно-исторического типа (западноевропейской великой культуры, цивилизации), а не чисто континенталистских концепций.

К авторам, осмысляющим в своих произведениях сущность и знаковые события “Большой Игры”, относятся: представители панславизма — Н.Я. Данилевский, И.И. Дусинский, Р.А. Фадеев; представители военно-стратегиче-

* Начало. Продолжение статьи в № 3 за 2024 г.

** **Елишев Сергей Олегович**, e-mail: elishev@list.ru

ского направления — А.Е. Снесарев и А.Е. Вандам; Ю.С. Карцов и П.Н. Дурново. Остальные классики русской школы геополитики обращались к данной проблематике выборочно, в рамках других интересующих их тем.

Ключевые слова: “Большая Игра”, Русский мир, Англосаксонский мир, панславизм, цивилизационный подход, евразийство, военно-стратегическое направление.

UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE “GREAT GAME” BY CLASSICS OF THE RUSSIAN SCHOOL OF GEOPOLITICS (beginning)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the essence of The Great Game — the policy of containing the development of Russia by Anglo-Saxon elites and powers, dating back more than two centuries, by the classics of the Russian school of geopolitics. The author of the article considers the geopolitical concepts of the founders of the civilizational approach and civilizational geopolitics — N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontyev, representatives of Pan-Slavism (R.A. Fadeev, I.I. Dusinsky), military-strategic direction (D.A. Milyutin, A.E. Vandam, A.E. Snesearev), Eurasia (P.E. N. Savitsky), Y.S. Kartsova, V.P. Semenova-Tyan-Shansky, P.N. Durnovo.

The author emphasizes that the development of Russian geopolitical thought took place in the absence of a political order from the state, as well as political and economic elites to develop a geopolitical strategy for the development of Russia and the implementation of its foreign policy. Unfortunately, the author states, many ideas of the classics of the Russian school of geopolitics (in particular, in their understanding of the essence, content and dynamics of the Great Game) turned out to be unclaimed by the ruling circles and governments, among which there were many people Anglophile orientation, promoting the ideas of allied relations with England, to the detriment of the national interests of Russia.

At the same time, the author of the article notes, the understanding of the essence and features of the development of the events of the “Great Game” by representatives of the Russian school of geopolitics was largely carried out fragmentally, often in the aspect of analyzing the centuries-old civilizational confrontation between Russia and the Romano-German cultural and historical type (Western European great culture, civilization), and not purely continentalist concepts.

Authors who comprehend the essence and significant events of the “Great Game” in their works include: representatives of Pan-Slavism — N.Ya. Danilevsky, I.I. Dusinsky, R.A. Fadeev; representatives of the military-strategic direction — A.E. Snesearev and A.E. Vandam; Y.S. Kartsov and P.N. Durnovo. The rest of the classics of the Russian school of geopolitics addressed this issue selectively, within the framework of other topics of interest to them.

Key words: “Great Game”, Russian World, Anglo-Saxon World, Pan-Slavism, civilizational approach, Eurasianism, military-strategic direction.

В контексте изучения сущности, истории и тенденций развития “Большой Игры” (The Great Game) — глобального геополитического противостояния Англосаксонского и Русского миров (стартовавшего в начале XIX в. и продолжающегося вплоть до настоящего времени), особое значение приобретает осмысление ее сути, содержания и динамики развития представителями русской школы геополитики в классический (традиционный) период развития геополитической мысли. Именно в этот период развития геополитики (условно начавшийся к концу XIX — началу XX в. и ориентировочно продолжавшийся до завершения Второй мировой войны) и произошло оформление основных и ведущих направлений, теорий русской национальной школы геополитики, массовый интерес к которым стал активно заново проявляться только в постсоветский период российской истории.

В советский период российской истории геополитика с ее явным несоответствием официальным положениям марксистско-ленинской идеологии фактически была полностью и официально запрещена в СССР как “буржуазная лженаука”, “буржуазная, реакционная концепция, использующая извращенно истолкованные данные физической и экономической географии для обоснования и пропаганды агрессивной политики империалистических государств”¹. Геополитике отводились роль и функция оправдания внешней экспансии буржуазных государств, «капиталистической интеграции, создания военно-политических блоков и притязания на энергетические и сырьевые ресурсы развивающихся стран, которые произвольно включают в сферу “жизненных интересов” капиталистического Запада»². В частности, в трактовке советских идеологов она определялась как “официальная доктрина немецкого фашизма, оправдывающая его агрессивную внешнюю политику и претензии на мировое господство”³. Исходя из этого, осмысление сущности “Большой Игры” в геополитическом ракурсе советскими исследователями вообще не осуществлялось, а потому анализ воззрений и работ классиков русской школы геополитики в этом ключе приобретает еще большую актуальность.

При изучении воззрений представителей русской геополитической школы классического периода ее развития следует, прежде всего, отметить, что внутри нее не сложилось такого единого, в целом монолитного, системного и идеологически оформленного

¹ Большая Советская Энциклопедия. М., 1971. С. 316.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 116.

³ Там же.

теоретического каркаса, каким является атлантизм⁴ для британской и американской англосаксонских геополитических школ. Однозначно можно сказать, что многие классики русской школы геополитики мыслили совсем не в строгих рамках идей геополитического дуализма, трактующего весь ход мировой истории как противостояние двух типов держав, цивилизаций — держав Моря и держав Суши (что было характерно, прежде всего, для англосаксонских геополитиков). Хотя, конечно же, с атлантистскими геополитическими концепциями многие из классиков русской геополитики были знакомы, изучали, критически осмыслили их и предлагали определенные шаги и стратегии для противодействия реализации русофобских англосаксонских стратегических планов. В то же время теоретические наработки и позицию многих из них можно было лишь с большой натяжкой или только условно отнести или причислить к противоположности атлантизма — континентализму⁵.

Такая ситуация в значительной степени была обусловлена следующими причинами и связана с конкретными обстоятельствами.

В ведущих англосаксонских державах геополитические концепции фактически были разработаны в рамках выполнения своеобразного политического заказа англосаксонских элит для соответствующего идеологического обоснования и дальнейшего оправдания курса внешней политики данных государств, в том числе и в отношении к России. Таким образом, данные идеи и идеологические конструкции после их оформления фактически сразу оказались востребованными, а затем были взяты на вооружение и активно распространялись — продвигались представителями англосаксонских и подконтрольных им западных элит в ряде европейских стран (например, во Франции и Германии). Иными словами, их идеи и наработки легли в основу стратегии внешней политики держав англосаксонского мира, а затем и всего Запада.

Идеи западных геополитиков, мыслящих в иной плоскости, в русле континентализма, без особой поддержки государственных структур и политических элит особой популярностью не пользовались и на практике в жизнь не воплощались. Пример тому — геополитические идеи и концепции К. Хаусхофера и К. Шмитта, выдающихся представителей немецкой школы геополитики.

⁴ **Атлантизм** — геополитическая теория и практика Запада, стран-участниц НАТО, отводящая ведущую роль в мировой истории морским государствам, цивилизациям, от которых внутрь континентов идут культурные импульсы.

⁵ **Континентализм** — геополитические теории и школы, отводящие, в противоположность “атлантизму”, ведущую роль в мировой истории континентальным державам.

Данное обстоятельство естественно не свидетельствует о научной обоснованности англосаксонских атлантистских геополитических теорий. Когда в науку проникает идеология, добиться объективности в оценке тех или иных геополитических реалий, явлений и процессов, становится сложно, а фактически — невозможно. Тем не менее, как уже было отмечено, большая часть их теоретических работ была взята на вооружение англосаксонской политической и экономической элитой, а также подконтрольными ей западноевропейскими государствами и институтами с целью последующего идейного оправдания и идеологического обоснования крайне агрессивной политики сдерживания развития России в различных сферах ее жизнедеятельности, как в имперский, советский, так и в постсоветский периоды ее истории. Исходя из этих идеологических конструкций, в сознании представителей англосаксонских и подконтрольных им западноевропейских политических и экономических элит сложилось и восприятие России как основного препятствия для достижения англосаксонскими державами своей глобальной геополитической гегемонии.

На практике же стремление к обретению данной гегемонии закономерно привело представителей англосаксонских элит к началу против России масштабных дипломатических, экономических, информационных войн и сражений, военных действий, операций по организации государственных переворотов и “революций” с целью уничтожить Россию как действиями извне, так и посредством дестабилизации обстановки изнутри.

Развитие же русской геополитической мысли происходило совсем в иных условиях и обстоятельствах. Изначально со стороны русских политических и экономических элит, в отличие от англосаксонских держав, фактически не было сделано никакого политического заказа на разработку, идейное и теоретическое обоснование стратегий геополитического развития и внешней политики России. Данное обстоятельство было обусловлено в значительной степени тем, что духовный кризис, в котором оказалось русское общество начиная с начала XVII в., и, к сожалению, продолжающийся до настоящего времени, закономерно привел к тому, что значительная часть российской элиты фактически оказалась оторванной от своего народа, не понимала его традиций, чаяний и устремлений. Она воспитывалась в иной, западной социокультурной традиции, ориентированной на ценности западноевропейской культуры.

Соответственно и представители этой достаточно влиятельной “традиции” отрицательно относились к самой идее самобытности, своеобразия, уникальности путей развития русской, более обще,

восточноевропейской культуры, стремясь навязать русской нации формы западной культуры, социальной практики и политического устройства, отвергая систему ценностей и традиционных устоев жизнедеятельности русского общества. В этом контексте бессмысленно говорить об отстаивании представителями этой “традиции” национальных интересов России в сфере внешней политики и геополитики, которые фактически сводились в их понимании к стремлению влиться в “единую”, “общеевропейскую семью”, интеграции со странами Запада, поиску своего места там, а также обязательному компромиссу с ведущими державами Запада при возникновении конфликта интересов.

Таким образом, в силу влиятельности позиций представителей западничества⁶ (в том числе англофильской ориентации) в российской политической элите политический заказ на разработку, идейное и теоретическое обоснование стратегии геополитического и внешнеполитического развития России российским ученым сделан так и не был. Соответственно, разработка геополитических теорий, концепций, проектов стратегии развития России практически сразу легла на плечи русских интеллектуалов без системной поддержки, а часто вовсе без поддержки и покровительства со стороны российских политических и экономических элит и государства в целом. Более того, представители российской имперской бюрократии часто очень болезненно и негативно реагировали на любую конструктивную критику со стороны классиков русской школы геополитики внешнеполитического курса Российского государства, в котором явно отсутствовали четко обозначенная стратегия, системность и последовательность.

В этом контексте становится понятным, почему многие идеи классиков русской школы геополитики (в частности по осмыслению ими сущности, содержания и динамики “Большой Игры”) оказались невостребованными правящими кругами и правительствами, среди которых было много лиц англофильской ориентации, продвигающих идеи союза со столь любимой ими Англией в ущерб национальным интересам России. Отдельные же наработки, сформулированные классиками русской школы геополитики, хотя и продвигались рядом государственных и политических деятелей (например, П.Н. Дурново), но в отличие от англосаксов реализовывались бессистемно и фрагментарно, не воплощаясь в жизнь в полной мере.

Тем не менее несомненной заслугой русских мыслителей являлась разработка ими основ цивилизационного подхода (а соответ-

⁶ См.: *Елишев С.О.* Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 80–81.

ственно, и цивилизационной геополитики как очень влиятельного и значимого направления развития современной геополитической мысли).

Именно Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, основоположники цивилизационного подхода к трактовке общественно-исторического развития, развивая идеи славянофилов и русских консерваторов, еще до начала процесса оформления ведущих западных школ геополитики, фактически явились родоначальниками как самой русской национальной геополитической школы, так и самой цивилизационной геополитики, в целом задавая ее теоретически богатый и самобытный вектор развития русской геополитической школы. Многие разработанные ими идеи легли в основу ряда течений и направлений русской геополитической мысли, например, таких как: панславизм (видными представителями которого являются Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский, Р.А. Фадеев, И.И. Дусинский), военно-стратегическое направление (Д.А. Милютин, А.Е. Вандам, А.Е. Снесарев), евразийство (П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой и др.). В то же время следует отметить, что развитие русской геополитической мысли шло не только в рамках упомянутых направлений, но и с учетом разработки отдельными авторами (своеобразными геополитическими “одиночками” (Ю.С. Карцов, В.П. Семенов-Тянь-Шанский), не создавшими собственных научных школ), весьма оригинальных геополитических теорий и концепций, стоящих особняком в ряду обозначенных направлений и не утративших своей актуальности до настоящего времени.

При этом у многих из классиков русской геополитики проблема осмысления англо-российских взаимоотношений и противостояния затрагивалась фрагментарно, часто в контексте изучения в целом имеющего место полноценного и многовекового, по мнению ряда из них, цивилизационного противостояния России (как центра восточно-христианской (православной) великой культуры) и в целом православной великой культуры с Западом (“Миром цивилизованным” — самоназванием бывшей западно-христианской великой культуры). В их представлениях по своей религиозной, ценностной, культурной и политической системам (образующим своеобразный каркас, основу этого мира) Россия являлась правопреемницей православной Византийской империи и исторической миссии державообразующего имперского народа, состоящей в сохранении истинной православной веры, ценностей и культуры, защиты православных народов и удержания мира от скатывания к злу и от наступления власти Антихриста.

Россия, на их взгляд, имела свой собственный, полностью отличный путь развития от секулярной западно-европейской культуры, поэтапно отходящей в своем развитии от основ христианского мировосприятия и жизнедеятельности и настроенной в целом весьма агрессивно по отношению к России и Православию. Основные стратегические задачи, стоящие перед Россией, они видели в сохранении ее цивилизационной, духовной и культурной идентичности, суверенитета, а также в исполнении ее исторической имперской миссии.

Например, **Николай Яковлевич Данилевский**, видный представитель неославянофильства и родоначальник цивилизационного подхода к процессу общественно-исторического развития, разработал в рамках данного подхода первую полномасштабную теорию цикличного развития человеческих обществ — теорию культурно-исторических типов, т.е. “самобытных цивилизаций”⁷, с теоретическим обоснованием определяющей роли России в восточно-христианской великой культуре.

В своей фундаментальной работе “Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому” Н.Я. Данилевский отрицал сам факт существования единой “общечеловеческой цивилизации” (в которой за эталон и образец для подражания берется и с которой необоснованно отождествляется опыт и история развития стран Запада). Этот мыслитель предлагал рассматривать всемирный исторический процесс не в русле прогрессистских, эволюционистских, европоцентристских, линейных концепций (характеризующих формационный подход к процессу общественно-исторического развития), а как процесс рождения, развития, расцвета и угасания культурно-исторических типов, “так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного одним словом, исторического развития”⁸.

В своем развитии любой культурно-исторический тип, состоящий из группы народов, проходит ряд состояний: от состояния *этнографического* (этап формирования нации и национального идеала) — к состоянию *государственному*; от государственного состояния — к *цивилизации* (характеризующейся высокой степенью развития духовной и материальной культуры); от цивилизации — к *апатии* (*апатии самодовольства или апатии отчаяния*)⁹.

⁷ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 88.

⁸ Там же. С. 85.

⁹ См.: Там же. С. 92–106.

В историческом развитии человечества Н.Я. Данилевский выделил 10 культурно-исторических типов, полностью или частично исчерпавших возможность своего исторического развития. Это: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или арабийский, 10) германо-романский, или европейский¹⁰. Дополнительно им были отмечены “два американских типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития”¹¹. Также он говорил о большом будущем только начавшего свое развитие “славянского” культурно-исторического типа, наиболее полно выраженного в русском народе.

Каждый культурно-исторический тип, по мнению Н.Я. Данилевского, по своей природе самобытный и неповторимый, исторически самопроявляет себя в четырех формах деятельности: 1) *деятельности религиозной*, 2) *деятельности культурной* (теоретически-научной, эстетически-художественной; технически-промышленной), 3) *деятельности политической*; 4) *деятельности общественно-экономической*¹².

В зависимости от того, как проявляют себя культурно-исторические типы в этих видах деятельности, Н.Я. Данилевский условно разбивает их на четыре группы. Первую группу составляют “первичные, или аутохтонные” (*египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский; халдейский, или древнесемитический; индийский и иранский*) культурно-исторические типы, полноценно не проявившие себя ни в одной из обозначенных форм деятельности: “... всё было в них еще в смешении; религия, политика, культура, общественно-экономическая организация еще не выделились в особые категории деятельности”¹³.

Вторую группу образуют “одноосновные” (*еврейский, греческий и римский*) культурно-исторические типы, каждый из которых добился больших успехов в развитии одной из выделенных форм деятельности. Еврейский — в религиозной деятельности, греческий — в культурной деятельности, римский — в политической деятельности¹⁴.

К третьей группе относится “двуосновной” *германо-романский* или *европейский* культурно-исторический тип, который имел все

¹⁰ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 88.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 471–472.

¹³ Там же. С. 472.

¹⁴ Там же. С. 477.

предпосылки активно проявить себя во всех формах деятельности, но в силу ряда внутренних особенностей своего исторического развития добившийся больших успехов только в политической и преимущественно научной и промышленной сферах культурной формы деятельности¹⁵.

К четвертой группе принадлежит только “начинающий жить” славянский культурно-исторический тип, в котором основная роль принадлежит России и русскому народу. Славянский культурно-исторический тип представляет собой единственный культурно-исторический тип, который полно сочетает в себе все четыре формы деятельности¹⁶. В силу “молодости” и уникальности сочетания этих форм деятельности в “славянском” культурно-историческом типе — за ним большое будущее.

Как идеолог панславизма¹⁷, Н.Я. Данилевский большое внимание уделял разработке проекта создания Славянского союза государств, а также описанию внешнеполитического взаимодействия двух разных культурно-исторических типов — России с Западом (романо-германским культурно-историческим типом). Он отмечал, что Запад (т.е. “Европа в политическом смысле”¹⁸) представляет собой “совокупность европейских государств, сознающих себя как одно целое, интересы которого противоположны интересам России и Славянства. Иного значения и смысла, кроме этой постоянной враждебности к нам, политическая Европа, конечно, не имеет. Со стороны Европы этот антагонизм есть не только факт существующий, но и факт ясно и отчетливо сознаваемый; со стороны же России, и Славянства он не более как факт существующий, но, к сожалению, еще недошедший до их сознания”¹⁹.

Противоположность интересов России и Запада (Европы) позволяет утверждать, что “в политическом смысле Россия не только не Европа, но Анти-Европа”²⁰, а “сила и могущество Европы — в целом — в значительной степени покоится частью на костях Славянства, частью на его поте, крови и слезах. На костях Славянства основано самое существование, а не только могущество Пруссии, а

¹⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 478–479.

¹⁶ Там же. С. 508.

¹⁷ **Панславизм** (от греч. *pan* — “все” и *slavus* — “славянин”) — национально-политическая идеология и соответствующее ей течение в российской общественной мысли второй половины XIX в., ставящее себе целью культурное и политическое объединение всех славянских народов.

¹⁸ См.: Данилевский Н.Я. Горе победителям! // Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнение к книге “Россия и Европа”. М., 2013. С. 174.

¹⁹ Данилевский Н.Я. Горе победителям!

²⁰ Там же. С. 166.

с нею и могущество Германии. Но этот вопрос уже покончен историей еще в то время, когда оплот Славянства, — Россия, только что зарождалась”²¹.

И эта противоположность, на взгляд Н.Я. Данилевского, есть “не выдумка, не изобретение панславистов, славянофилов, или вообще журнальных публицистов и теоретиков, какой бы то ни было партии, а факт общепризнанный самыми трезвыми и практическими политическими умами, — свидетельствуют нам всего лучше и прямее самые протоколы Берлинского конгресса. Читая эти документы, мы постоянно встречаем, что, как представители России, так и представители других держав беспрестанно противопоставляют интересы России — интересам Европы. Одни требуют во имя этих последних — уступок со стороны России, другие соглашаются на них именно в виду этой причины”²².

Н.Я. Данилевский констатировал, что данная противоположность интересов России интересам Европы до того стала “присуща представлению государственных людей всех наций, что они инстинктивно, как бы против своей воли, несмотря на всю дипломатическую осторожность, употребляют выражения, соответствующие действительности и прямо противоположные той видимости, которую, конечно, желали бы ей придать: представители европейских государств для того, чтобы и впредь было им удобнее пользоваться тем обманом, в который добровольно вдается Россия; представители же России для того, чтобы не выставить на вид всей несостоятельности того политического направления, которое приносит интересы России в жертву интересам Европы”²³.

Проявления постоянной враждебности и русофобских настроений западноевропейцев Н.Я. Данилевский объясняет тем, что Россия является для них “трудно преодолимым препятствием к развитию и распространению”²⁴ господства германо-романского культурно-исторического типа. О чем очень сожалеют представители западничества внутри России: “Этот взгляд, выраженный здесь только в несколько резкой форме, в сущности, очень распространен и между корифеями нашего общественного мнения и их просвещенными последователями. С этой точки зрения становится понятным (и не только понятным, а в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к

²¹ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 167.

²² Там же. С. 186.

²³ Там же.

²⁴ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 64.

ослаблению русского начала по окраинам России, — к обособлению (даже насильственному) разных краев, в которых, кроме русского, существуют какие бы то ни было инородческие элементы, к покровительству, к усилению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому”²⁵.

Россия, по Н.Я. Данилевскому, должна противодействовать проникновению, тлетворному влиянию, духовной и культурной экспансии Запада во внутреннюю жизнь российского общества, проводя самостоятельную и независимую внешнюю политику без оглядки на западноевропейское “общественное мнение” и использовать внешнеполитические разногласия и противоречия между государствами Запада в свою пользу. Для успешного осуществления курса русской внешней политики “в будущем ничего другого не остается, — писал Н.Я. Данилевский, — как смотреть на свое политическое и историческое положение открытыми глазами, то есть перестать считать Россию членом европейской политической системы, которая постоянно оказывается нам враждебной, лишь только обстоятельства выдвинут на сцену вопросы, затрагивающие интересы или сочувствия России, не взирая на всю справедливость и все бескорыстие ее целей, — открыто и решительно выпутаться из нее, освободиться от добровольно наложенных на себя пут и цепей, стесняющих свободу наших действий”²⁶.

На взгляд Н.Я. Данилевского, историческая миссия богоизбранного русского народа, а также других православных богоизбранных народов славянского культурно-исторического типа состоит прежде всего в “охранительно-консервативной”²⁷ религиозной деятельности, направленной на сохранение православия как “живого предания религиозной истины”²⁸ и последующей ее “передачи в неприкосновенной чистоте другим народам и грядущим поколениям”²⁹.

Сохранение своих духовных и религиозных основ и устоев, поддержка православной веры и церкви являлись первоочередными задачами, стоящими перед российским обществом и государством, что в условиях распространения в России западничества (или “европейничанья”, как его именовал Н.Я. Данилевский) было особенно актуально. Россия, по Н.Я. Данилевскому, должна противодейство-

²⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 64.

²⁶ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 189.

²⁷ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 481.

²⁸ См.: Там же.

²⁹ Там же.

вать проникновению, тлетворному влиянию, духовной и культурной экспансии Запада во внутреннюю жизнь российского общества, а также помочь обрести политическую независимость славянским православным народам с целью создания Славянского союза государств для укрепления политического единства славянского культурно-исторического типа и успешного противодействия постоянной враждебной и русофобской политики стран Запада.

Следует отметить, что Н.Я. Данилевский первым среди видных представителей панславизма качественно и добротнo осуществил анализ российско-британских взаимоотношений, а также перипетий и знаковых событий “Большой Игры”. Хотя следует отметить, что он в таком же объеме анализировал взаимоотношения России с другими европейскими странами.

Н.Я. Данилевский определял Англию, как “самого отъявленного и самого постоянного противника России на Востоке, с самого окончания наполеоновских войн”³⁰. Русофобский курс внешней политики Англии, особенно в Восточном вопросе, по его мнению, в значительной степени был обусловлен необоснованными страхами англичан потерять свои индийские колонии в результате гипотетического похода русской армии в Индию³¹.

“Последствия такого похода, — писал Н.Я. Данилевский, — предпринятого даже с малыми силами и даже неудачного, были бы самые губительные для английского могущества, — так же точно, например, как и французская высадка на английский берег, хотя бы и неудачная. В стране торговой и промышленной по преимуществу все основано на кредите, на вере; и вера англичан в неприкосновенность английской территории (в одном случае) так же, как вера туземцев в неприкосновенность английского владычества в Индии (в другом) были бы поколеблены, нарушены. Что не удалось один раз, может при больших усилиях, при лучшем ведении дела удасться в другой. С момента этих вторжений дамоклов меч постоянно висел бы над Англией”³².

Поход русской армии в Индию, по его мнению, гипотетически являлся вполне возможным, хотя “очевидно, что Россия не имеет ни малейшего интереса овладеть Индией или какой бы то ни частью ее. Такое приобретение легло бы на нее таким излишним и тяжелым бременем, что смело можно утверждать, если бы оно выпало ей даже как наследство от умершего дяди набоба, ей ничего бы не оставалось, как продать его за какую бы то ни было цену, а если бы никто

³⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 448.

³¹ См.: Там же. С. 449–451.

³² Там же. С. 449–450.

ничего не дал, то отдать хоть даром. Поэтому английская Индия ограждена от вторжения русских не столько физической, сколько нравственной невозможностью индийского похода, — невозможностью, из которой существует одно и только одно исключение. Поход в Индию есть единственное оборонительное средство России в войне с Англией”³³.

Поход в Индию может стать вынужденной мерой, поскольку ничего более болезненного для Англии в возможном столкновении с ней Россия (как могучая континентальная, но не морская держава) сделать не сможет: “...роль ее в войне должна быть чисто пассивной, если она не прибегнет к походу в Индию, который, при малочисленности там англичан, при расположении туземного населения, может иметь самые важные последствия одним своим началом, одной предшествующей ему молвой, расцвечаемой восточным воображением”³⁴.

Еще до оформления классиками англосаксонской геополитики их геополитических атлантистских концепций, Н.Я. Данилевский осуществил блестящий анализ сути “Большой Игры”, фактически рассматривая ее как один из эпизодов масштабной борьбы англичан за обретение ими “всемирного морского владычества”, т.е. в условиях XIX столетия — мировой геополитической гегемонии. В рамках данного эпизода Россия и Славянство выступали как определенное препятствие и наиболее серьезный противник для достижения англичанами своих стратегических целей.

При этом для достижения мировой геополитической гегемонии (“всемирного морского владычества”) недостаточно только “одного торгового преобладания, доставляемого обилием капиталов, развитием промышленности, обширностью коммерческих сношений”³⁵. “Морское владычество, — подчеркивал Н.Я. Данилевский, — означает политическую власть, или, по меньшей мере, почти исключительное преобладающее политическое влияние во всех частях света, туземные государства которых не обладают достаточным военным могуществом для сопротивления собственными силами флотам и десантам владычицы морей”³⁶.

Англия, являясь могущественной морской колониальной державой, поэтапно победила в борьбе за мировую геополитическую гегемонию своих соперников — испанцев, голландцев и французов, взяв под свой политический контроль большую часть мира (Австра-

³³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 450.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 169–170.

³⁶ Там же. С. 170.

лию, большую часть Африки, Азии, Южную Америку), за исключением Европы и Северной Америки³⁷.

Под предлогом сохранения баланса сил в Европе Англия активно вела “войны против всех государств, обладавших заморскими колониями”³⁸, в результате чего “почти все колонии европейских государств подпали под власть Англии или под ее преобладающее влияние. Посредством этих же войн, веденных якобы из-за охранения европейского равновесия, а также посредством отдельных захватов, при всяком удобном случае, очутились во власти Англии: главные проливы — Гибралтар, Перим, Сингапур; острова при входах во внутренние моря, как например Малые Антильские, центральные пункты во внутренних морях, как Мальта, Ямайка, прибрежные острова, составляющие сторожевые, наблюдательные пункты, как Гольголанд, Гонг-Конг, Кипр; пункты перекрещения океанских путей, как остров св. Елены, мыс Доброй Надежды; наконец, целые материки или обширные тропические страны, как Австралия и Индия”³⁹.

Для достижения всемирного морского могущества Англии лишь осталось утвердить свою власть “над обширнейшим и богатейшим азиатским материком. Лучшие страны его уже подчинены Англии. В сохранении и распространении этой власти над Азией и заключается в настоящее время для Англии весь вопрос о всемирном владычестве. И тут-то именно, с того времени, как Россия собственными руками низвергла последнего и самого страшного из прежних противников Англии — Наполеона, является она новым противником Англии, уже не в виде морской, а чисто континентальной державы. Россия, и только одна Россия имеет возможность угрожать Индии, в случае нужды подать помощь Китаю, защитить Персию и, вследствие ослабления Турции, с одной стороны, овладеть проливами, и через них угрожать кратчайшему пути сообщения с Индией, с другой же, по соседству, сделаться наследницею богатейших стран Азиатской Турции”⁴⁰.

Н.Я. Данилевский отдает должное успехам английской дипломатии, системному и планомерному движению англичан к обретению мировой геополитической гегемонии. На протяжении XIX в. Англия благодаря жесткому прагматизму своей внешней политики одержала целый ряд побед над своими противниками, в значительной степени не благодаря собственным силам, а благодаря “искус-

³⁷ См.: Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 170.

³⁸ Там же. С. 169.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 170.

ству заставлять, как друзей, так и врагов своих, работать для достижения ее целей и тем утвердила свое владычество во всех частях света. Австрия и Пруссия грызлись за нее против Наполеона и довели себя до гибели, от которой избавились лишь благодаря России, которая также почти непрерывно, в течение 15-ти лет, враждовала, преимущественно из-за английских интересов, с Наполеоновской Францией, единственным государством, предлагавшим ей свою искреннюю, на обоюдных выгодах основанную и делами, а не словами доказанную дружбу. Подобным же образом умела Англия заставить наследника великого Наполеона способствовать ее планам против России, с которой она вступила во враждебные отношения тотчас после поражения, преимущественно руками России же, великого Императора⁴¹.

Несмотря на то, что обретение контроля Англией над азиатскими пространствами не соответствует интересам целого ряда европейских государств, английская дипломатия, как ранее в своем противоборстве с Францией, смогла создать антироссийскую коалицию европейских держав на этот раз под предлогом «охранения Европы от грозного панславизма»⁴², т.е. прежде всего — от России.

Н.Я. Данилевский отмечал неизбежный характер столкновения Англии и России, от которого невозможно будет уклониться. «Англия дерзко вызывает нас на бой, прямо и открыто, без всякой маски, без чьего-либо посредства. Принятие этого вызова есть только вопрос времени, и таким образом, Восточный вопрос примет свой настоящий вид: борьбы России и Славянства сначала против главного врага их — Англии. Весьма благоприятным началом ее будет, если она возникнет из непосредственной ссоры с Англией из-за азиатских дел. Этот окольный путь всего лучше приведет нас к нашим целям: к полному освобождению и объединению Славян и к приобретению проливов в наше полное распоряжение»⁴³.

Однако для того, чтобы одержать победу над Англией, необходимо, прежде всего, провести работу над ошибками. А их во внешней политике России совершено было достаточно много. Анализируя курс внешней политики России после смерти Екатерины II, Н.Я. Данилевский отмечал, что внешняя политика России, в отличие от англичан, носила двойственный и нерешительный характер, балансируя «между двумя притягательными полюсами интересов

⁴¹ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 175.

⁴² Там же. С. 171.

⁴³ Там же. С. 206.

русско-славянских и интересов европейских”⁴⁴. Причем русскими национальными интересами часто жертвовали в ущерб интересам европейским. Фактически “всякое действие России, имевшее в виду соблюдение, охранение или восстановление интересов Европы, заставляло упускать из виду русские интересы, пренебрегать и жертвовать ими различными способами”⁴⁵.

Так, после смерти Екатерины II Павел I направил войска на помощь Англии и Австрии в их противостоянии с Францией. “Война была блистательна, подвиги русских изумительны; но и в 1799 г., как и в 1878 г., можно было воскликнуть: горе победителям! Победы были напрасны, от плодов их не осталось и следа”⁴⁶. Последующая череда “наполеоновских войн” также осуществлялась не в русских национальных интересах. Наполеон был сторонником стратегического союза России и Франции, направленного против Англии. Он “считал союз с Россией не временною сделкою, имевшею для него важность при тех или других случайных обстоятельствах, а политической необходимостью, существенною частью своей политической системы, независимо от временных отношений между обеими державами, независимо от победы той или другой стороны. Война между Россией и Францией справедливо казалась ему лишь результатом недоразумений, наговоров, интриг, непонимания истинных интересов обоих государств, и потому он надеялся и верил, что свидание с императором Александром рассеет этот напускной туман”⁴⁷.

В отношении России Наполеон “постоянно высказывал самое дружеское расположение, искал ее союза, предоставлял ей самое широкое поле действия. Если, по роковому ходу событий, проистекавших из твердого и неуклонного стремления Наполеона достигнуть своей вполне законной, справедливой, неизбежно для него необходимой цели — обуздать и смирить Англию, близок он был к достижению всемирного владычества, — то он призывал Россию разделить его с ним, чувствуя, что одному ему оно было не под силу. Россия смело и с чистою совестью могла бы последовать этому призыву, потому что все могущество и величие, которые пришлось бы на ее долю в этом разделе, принадлежали и принадлежат ей по праву: в них не заключалось никакого хищения или неправого стяжания”⁴⁸.

⁴⁴ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 163.

⁴⁵ Там же. С. 165.

⁴⁶ Там же. С. 158.

⁴⁷ Там же. С. 159.

⁴⁸ Там же.

“В причинах, побудивших Россию, с таким напряжением сил, — писал Н.Я. Данилевский, — вести против Наполеона войны 1805, 1807, 1812, 1813 и 1814 годов, невозможно отыскать никакого существенно русского интереса. Они были предприняты в защиту чуждых нам целей и интересов: английских, прусских, австрийских, германских, пожалуй — итальянских, голландских, испанских и португальских, одним словом — интересов и целей европейских, но никак не русских. Мы низвергли не только совершенно безвредное, но существенно полезное для нас могущество Наполеона, для того чтобы укрепить могущество Англии и восстановить силу Австрии, которые и прежде и после этого всегда были нам враждебны, которые стояли и стоят поперек всем нашим исконным, законнейшим и справедливейшим стремлениям”⁴⁹.

Такого же рода антинациональный курс внешней политики фактически наблюдался и в последующие годы, когда правительство фактически жертвовало русскими национальными интересами и интересами Славянства в пользу Англии и других европейских стран. Без изменения данной ситуации, прекращения заискивания перед Европой, возвращения к отстаиванию исключительно собственных национальных интересов, успешно противостоять Англии, да и другим европейским государствам, на взгляд Н.Я. Данилевского, будет невозможно.

Теоретически переосмыслил, развил и дополнил концепцию Н.Я. Данилевского один из основоположников цивилизационного подхода — **Константин Николаевич Леонтьев**. Этот мыслитель утверждал, что каждый культурно-исторический тип, нация, общество и государство имеют свою самобытную и неповторимую форму. Форма, в его представлении — есть “выражение идеи, заключенной в материи (содержании)”, “деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбежаться”⁵⁰. Развитие обозначенных субъектов ведет к неповторимости и усложнению их форм, их регресс и деградация — ведут к гибели: упрощению и потере своеобразия формы.

Срок жизни государств и обществ, на взгляд К.Н. Леонтьева, хронологически ограничен: “Наибольшая долговечность государственных организмов, это 1000 или много 1200 с небольшим лет”⁵¹. “Развитие государства сопровождается постоянно выяснением,

⁴⁹ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 159.

⁵⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 75.

⁵¹ Там же. С. 84.

обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей общностью с окружающим”⁵². При этом, “государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частностях, от начала до конца”⁵³. Отказ от самобытности формы государства, общества, нации, как считал К.Н. Леонтьев, неизбежно влечет за собой их гибель.

Выстраивая свою собственную оригинальную концепцию трехстадийного циклического развития человеческих сообществ и культурно-исторических типов, К.Н. Леонтьев отмечал, что в процессе своего развития каждый культурно-исторический тип, как и все уровни онтологической системы, начиная с физического уровня и кончая метафизикой и религией, проходят в своем развитии три периода: 1) период “первичной простоты”; 2) период “цветущей сложности”; 3) период “вторичного упрощения”. Разграничивая и отделяя понятие “развитие” и западноевропейское понимание “прогресса”, К.Н. Леонтьев обращался к античной трактовке данного термина. “Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов... Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности”⁵⁴, — вот в чем состоит истинный смысл развития (прогресса). “Эгалитарный прогресс”, по К.Н. Леонтьеву, есть “не что иное, как процесс разложения, процесс вторичного упрощения целого и смешения составных частей”⁵⁵. Западноевропейские государства и общества, да и в целом весь западноевропейский (романо-германский) культурно-исторический тип, идя по пути эгалитарного прогресса, вступили в период “вторичного упрощения”, фактически исчерпав свой творческий потенциал⁵⁶.

Будущее России К.Н. Леонтьев связывал с охранительной тенденцией по сбережению ее государственного, национального, культурного своеобразия и неповторимости, получивших развитие в концепции “византизма”. В соответствии с данной концепцией, Россия и русский народ являются восприемниками и наследниками Византийской империи: по имперской форме государства, импер-

⁵² Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 75.

⁵³ Там же. С. 80.

⁵⁴ Там же. С. 69.

⁵⁵ Там же. С. 76.

⁵⁶ Там же. С. 74.

ской идее и самодержавной форме правления; по религии — православному христианству; по праву — развитию особой национальной системы права. “Византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства”⁵⁷. И в том смысле он полная противоположность западноевропейской концепции эгалитарного прогресса. Изменение принципу “византизма” приведет к гибели России. Продолжая разрабатывать идею Н.Я. Данилевского о создании Славянского Союза государств, К.Н. Леонтьев, в отличие от Н.Я. Данилевского, не придерживался панславистских позиций. Он предлагал отвергнуть принцип объединения славянских народов на основании племенного принципа и взять за основу объединения в Союз принцип византизма, отождествляемый с принадлежностью к православию.

При этом в противоположность Н.Я. Данилевскому, К.Н. Леонтьев не осуществил подробный анализ истории развития отношений России с Англией или этапов их противостояния друг другу. Его больше интересовали цивилизационные аспекты взаимоотношений в целом Запада и России. Он только вскользь и в достаточной степени комплиментарно говорил об Англии, сравнивая ее с Россией: “Есть государства, обреченные историей расти, даже и вопреки себе. Таков был Рим, таковы Англия и Россия”⁵⁸. Мимоходом упоминал о поддержке Россией в противовес Англии “северян” во время Гражданской войны в США, когда Англия поддерживала “южан”⁵⁹, кознях англичан на Балканах, что негативно сказывалось на судьбе христиан на Балканском полуострове⁶⁰. Устами своего героя в рассказе “Египетский голубь” говорил, что налаживание взаимодействия между Россией и Англией положительно скажется на жизни славянских народов на Балканах: “...христианам лучше жить в Турции, когда Россия и Англия заодно. Это согласие подавляющим образом действует на турок. Это общее правило можно применить и к местным условиям: христиане сильнее, когда русское консульство в союзе с английским”⁶¹.

⁵⁷ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 19.

⁵⁸ Леонтьев К.Н. Территориальные отношения // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 158.

⁵⁹ См.: Леонтьев К.Н. Племенная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Избранное. С. 324.

⁶⁰ См.: Леонтьев К.Н. Из жизни христиан в Турции // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 3. СПб., 2001. С. 54.

⁶¹ См.: Леонтьев К.Н. Египетский голубь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 5. СПб., 2003. С. 360.

По ряду позиций с идеями Н.Я. Данилевского перекликались взгляды видного последователя панславизма — военного историка и публициста, генерал-майора **Ростислава Андреевича Фадеева**. Этот мыслитель в ряде своих работ, посвященных анализу Кавказской войны, к сожалению, крайне мало и только фрагментарно акцентировал внимание на роли Англии в ее разжигании и последующем развитии. Рассматривая особенности закрепления России на Кавказе, Р.А. Фадеев отмечал факт отрицания и постоянного оспаривания Англией “самого права нашего (русского — С.Е.) владычества на Кавказе”⁶². Пытаясь остановить закрепление России на Кавказе, англичане активно создавали сами коалиции с разнообразными державами (прежде всего, с Турцией), финансировали сепаратистские движения, враждебные России племена горцев, поставляли им оружие, амуницию, боеприпасы, организовывали и вооружали банды наемников.

“На английские деньги и под турецким покровительством, — писал Р.А. Фадеев, — главными действующими были, разумеется, поляки. Предполагалось даже сформировать польские войска на Кавказском берегу, и с этой целью в 1861 г. был выгружен в Туапсе склад польских национальных мундиров, амуниции и ружей; думали набирать полки из дезертиров поляков Кавказской армии под предводительством прибывших эмигрантов. Однако ж дезертиры не явились; а горцы растащили заготовленные склады: шайки флибустьеров, высаженные на Кавказский берег, таяли и разбегались. Тем не менее все, что можно было задумать зловредного против России, было задумано и отчасти исполнено”⁶³.

После завершения Кавказской войны, осмысляя особенности противостояния России и Англии на азиатских пространствах, Р.А. Фадеев отмечал определенную уязвимость английской позиций в этом регионе, осознание которой (все та же мифическая, на его взгляд, угроза потери своих индийских колоний) и провоцировало англичан на активные русофобские действия в этом и других регионах.

“Относительное могущество европейских государств во всем, что касается азиатских дел, — подчеркивал Р.А. Фадеев, — надо мерить только силой флота и количеством обтерпевшихся боевых войск, с которыми можно предпринять дальний поход в варварскую страну. Флот имеет тут значение лишь как средство соприкосно-

⁶² См.: Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 160, 184.

⁶³ Там же. С. 165.

вения между отдаленными странами: Англия и Франция поэтому единственные западноевропейские нации, сильно заинтересованные в азиатском вопросе. Мы не имеем сильного флота, но имеем непосредственное соприкосновение с центрами Азии, вполне его заменяющее. Выгода даже на нашей стороне. Относительное могущество трех держав в решении азиатских дел определяется, стало быть, только численностью войск, приспособленных к дальнему азиатскому походу”⁶⁴.

Между тем, англичане, констатировал Р.А. Фадеев, “вовсе не имеют настоящих походных войск, но делают их такими ценой чрезвычайных пожертвований, обременяя полки нескончаемыми обозами, так что английский солдат в Индии обходится гораздо дороже, чем у нас офицер. При такой стоимости трудно выставить сколько-нибудь значительное войско. Последняя война англичан с Персией явно показала, как трудно им удаляться от моря, до какой степени они слабы в сухопутной кампании. Даже на своей почве, в Индии, в самых серьезных обстоятельствах, они никогда не могли сосредоточить более 12 тыс. англичан; а вне пределов Индии и вне приморских районов даже такая норма будет преувеличенной”⁶⁵.

Р.А. Фадеев негативно оценивает деятельность Англии на азиатских окраинах России, вполне обоснованно квалифицируя ее как угрозу национальной безопасности последней. При этом он писал, что Россия, в целом, “относится к Азии совсем иначе, чем западные народы. Азиатские дела для нас — не роскошь, не прихоть, происходящая от избытка сил, не удовлетворение той или другой исключительной цели, как торговля, политическое влияние и пр.; для нас они — дела русские, обойти которые нам нет никакой возможности. У России, как у Януса, два лица: одно обращено к Европе, другое — к Азии. Мы не создавали себе такого положения, мы родились государством, сросшимся одинаково с Европой и с Азией”⁶⁶.

Совсем иначе, по мнению ученого, складывалась ситуация в отношении Индии у Англии. “Англия владеет Индией потому только, что ей случилось нечаянно захватить эту страну; без Индии она будет все той же Англией, ее острову не грозит ни на волос опасности от каких бы то ни было событий в Азии. Для России же результат перелома, начинающегося на этом материке, составляет жизненный вопрос”⁶⁷, — продолжал Р.А. Фадеев. “Судьба народов, живущих вдоль нашей безмерной южной границы, от Черного моря до Тихого

⁶⁴ Фадеев Р.А. Государственный порядок... С. 263.

⁶⁵ Там же. С. 264.

⁶⁶ Там же. С. 290.

⁶⁷ Там же. С. 290.

океана, есть наше личное дело. В своем нынешнем состоянии эти народы не могут иметь значительное влияние на наши дела и сами по себе всегда оставались бы ничтожными; но как спутники чуждого могущества они могут, по своему географическому положению, получить великую для нас важность. По мере того, как падает автономия азиатских государств, державшаяся до сих пор только отчуждением и замкнутостью, европейские влияния приобретают там значение, с которым надобно считаться больше, чем с местными правительствами”⁶⁸.

В этом контексте распространение влияния англичан и французов в Азии являлось фактором, дестабилизирующим ситуацию на границах России. И соответственно закрепление России в Центральной Азии являлось, на его взгляд, вынужденной мерой для противодействия Англии. В то же время поход русских войск в Индию, в отличие от Н.Я. Данилевского, он считал утопическим проектом, осуществить который на практике не представляется возможным.

Еще одним представителем панславизма, сумевшим в своих работах развить идеи Н.Я. Данилевского и осуществить добротный анализ российско-британских взаимоотношений в начале XX в., является, к сожалению, незаслуженно забытый талантливый одесский публицист — *Иван Иванович Дусинский*. В своей работе “Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики” (1910 г.) И.И. Дусинский акцентировал внимание на произошедших к началу века очевидных изменениях в системе геополитических и международных отношений.

Если ранее, на протяжении длительного времени единственным центром мировой политики был Лондон, т.е. Англия, то к концу XIX в., благодаря гению Бисмарка, дарованиям Вильгельма II и его соратников, в Берлине, т.е. в Германии, возник второй, конкурирующий с первым, центр мировой политики⁶⁹. В результате этого англо-германское противостояние-соперничество стало той “осью, вокруг которой вращаются, которую обуславливают или вызываются все главные мировые события. Германия и Англия по-прежнему остаются двумя полюсами мировой политики, и великий спор между ними, спор за преобладание на мировой арене, еще не решен”⁷⁰.

Из конкурирующих между собой этих центров мировой политики по всему миру в разных направлениях раскинулись “нити мно-

⁶⁸ *Фадеев Р.А.* Государственный порядок... С. 290.

⁶⁹ См.: *Дусинский И.И.* Геополитика России. М., 2003. С. 30.

⁷⁰ Там же. С. 30–31.

гочисленных и сложных интриг”⁷¹, опутавших всю земную поверхность, и к настоящему времени, подчеркивал И.И. Дусинский, “едва ли найдется хоть одно мировое событие, которое не стояло бы в известной связи с политикою той или другой великой соперницы”⁷².

К началу XX в. ареной явного и тайного англо-германского соперничества за мировую морскую геополитическую гегемонию, фактически стала вся “обитаемая поверхность суши и судоходная равнина морей и океанов”⁷³. При этом англо-германское противостояние, безусловно, на взгляд И.И. Дусинского, “не исчерпывает всех других международных вопросов, но оно захватывает их и присоединяет к себе. Таким образом, оно постепенно делит мир на два враждующих между собою лагеря, стремления и надежды которых тесно связаны с торжеством Англии или успехом Германии”⁷⁴.

Все более обостряющаяся и затратная для англичан в финансовом плане англо-германская борьба “за власть над морем и связанные с нею великие экономические преимущества”⁷⁵, а также постепенное ухудшение позиций Англии на морских и океанических просторах, диктуют для англичан необходимость “положить этому ухудшению предел и вновь надолго упрочить свое превосходство”⁷⁶, т.е. “самой перейти в наступление и, уничтожив, пока не поздно, флот грозной соперницы, обезопасить себя с ее стороны и свести на нет постоянную угрозу, особенно серьезную в том случае, если бы части флота пришлось выступить для действия вдали от метрополии и тем ослабить ее оборону”⁷⁷.

Однако, «затрудняясь по финансовым и иным соображениям увеличивать во все возрастающей прогрессии свой флот и не имея возможности обеспечить свою безопасность достаточно сильной армией, Англия, в лице короля Эдуарда VII, пришла к заключению о необходимости искать поддержки в военном могуществе других держав. Таким образом, политические успехи Германии в связи с упрочением военного и чрезвычайным ростом морского могущества ее заставили англичан отказаться от своей еще на заре XX века столь превозносимой “splendid isolation” и вступить на путь сближения с другими государствами»⁷⁸.

⁷¹ См.: Дусинский И.И. Геополитика России. С. 31.

⁷² Там же. С. 30–31.

⁷³ См.: Там же. С. 31.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См.: Там же. С. 35.

⁷⁶ См.: Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 36.

Исходя из этих обстоятельств, «английская дипломатия стремится группировать вокруг Великобритании три великие державы – Японию, Францию и Россию, тогда как Германия обнаруживает заметное стремление группировать вокруг себя Австро-Венгрию, Италию, Турцию и весь мусульманский мир, а также привлечь на свою сторону Соединенные Штаты и Китай. Более мелкие державы предполагается либо привлечь на сторону одной из групп, либо нейтрализовать, смотря по географическим, политическим или иным соображениям»⁷⁹.

В условиях очевидно приближающегося крупного международного конфликта, проистекающего из неизбежности разрешения англо-германского противостояния за обретение мировой морской геополитической гегемонии, И.И. Дусинский говорил о необходимости осуществления правильной внешней политики России с учетом ее геополитического положения, верного понимания и отстаивания ее стратегических национальных интересов в данную историческую эпоху, а также их осознания лицами, которые ее будут осуществлять.

После тяжелой и неудачной для России русско-японской войны 1904–1905 гг., революционных событий — «бедствий и позора внутренней смуты»⁸⁰, Россия, тем не менее, «не только не пала, но осталась по-прежнему великою державою, с мнением которой державы считаются и добрыми отношениями с которой дорожат»⁸¹. В сложившейся ситуации, когда два мировых центра мировой политики (Англия и Германия) будут стремиться «использовать нашу родину для своих целей и превратить ее в мощное орудие своих стремлений»⁸², основная задача русской внешней политики, по мнению И.И. Дусинского, сводится к тому, чтобы «сделать умелый выбор, соответствующий государственным нашим интересам, и вместе с тем сохранить за собою достаточную самостоятельность и свободу действий для того, чтобы содействие чужим интересам наиболее полным образом сочетать с достижением собственных наших целей. Другими словами, надо, чтобы в предстоящей международной сделке Россия не была обойдена своими противниками или своими друзьями»⁸³.

И хотя, как справедливо отмечал И.И. Дусинский, «к какой группе держав мы бы ни примкнули, наше положение в ней будет

⁷⁹ Дусинский И.И. Геополитика России. С. 37.

⁸⁰ См.: Там же.

⁸¹ Там же. С. 37–38.

⁸² Там же. С. 38.

⁸³ Там же.

второстепенное, но смущаться этим несколько не следует, ибо так оно и должно быть в данном случае. Дело в том, что каждая из стоящих во главе основных двух групп держав преследует цели, которые, по крайней мере в данное время, для России не существенны, поэтому вполне естественно, что России нет оснований претендовать на главную роль в любой из этих групп»⁸⁴, образовавшихся между Лондоном и Берлином в их борьбе за морскую геополитическую гегемонию.

“Россия, — констатировал И.И. Дусинский, — держава прежде всего континентальная, сухопутная, не имеющая заморских колоний и обладающая крайне незначительными морскою торговлею и коммерческим флотом. При таких условиях стремиться стать во главе любой из борющихся за морскую гегемонию великодержавных групп было бы просто смешно. Это не значит, разумеется, что могущественная русская держава должна отвернуться от моря и флота и перестать интересоваться им или что занятое ею в отношении Англии или Германии положение должно быть подчиненное: совсем напротив, но это значит, что участие России в той или другой комбинации должно преследовать прежде всего цели русские, а не британские или германские и что, содействуя одной из сторон в достижении поставленной себе ею цели, Россия должна работать в то же время для себя”⁸⁵.

Вслед за Н.Я. Данилевским, И.И. Дусинский весьма критично оценивал внешнеполитический курс российского правительства в отношении западноевропейских держав, за чрезмерные уступки им, необоснованное миролюбие и непонимание своих национальных интересов. «В прошлом, — отмечал он, — Россия слишком часто своей кровью и своим достоянием работала на других, которые потом, по минованию надобности, отплачивали ей за это самой черной неблагодарностью. Этому нас достаточно научила и “традиционно враждебная” Англия, и “традиционно враждебная” Германия, и Австрия, удивившая мир неблагодарностью, и другие державы. Повторения подобных ошибок необходимо избежать хотя в будущее время. В этом должна выразиться государственная мудрость наших правящих сфер»⁸⁶.

При осуществлении анализа геополитического развития Российского государства и его поэтапного территориального роста И.И. Дусинский писал о необходимости осуществления Россией

⁸⁴ Дусинский И.И. Геополитика России. С. 38.

⁸⁵ Там же. С. 38–39.

⁸⁶ Там же. С. 39.

последующей территориальной экспансии, исходя из ее стратегических национальных интересов. На его взгляд, “Русский государственный организм еще не достиг своего полного физического развития: его внешний рост еще совершается и должен совершаться, так как прекращение его раньше времени было бы явлением болезненным и вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого уroda”⁸⁷.

Территориальное развитие Российского государства, как считал И.И. Дусинский, однозначно является незавершенным, существует объективная необходимость, “еще некоторого увеличения русской государственной территории. Само собою разумеется, что это увеличение должно быть вполне сознательным, а не случайным и произвольным, оно должно вытекать не из жадности завоеваний, а из желания докончить (именно *докончить*, а не просто продолжать) начатое предками дело государственного строительства. Отсюда следует, что будущий территориальный рост России не должен иметь ничего общего с теми целями, какие мы отнесли к первой группе мотивов территориальных приобретений: чисто завоевательные тенденции и связанная с ними политика приключений должны быть отвергнуты как совершенно не отвечающие национальным и государственным потребностям России”⁸⁸.

Таким образом, по мнению данного исследователя, русская “внешняя политика, в общем мирная и предпочитающая путь дипломатический, не может, тем не менее, увлекаться до самозабвения доктриною *status quo* и должна, в пределах необходимого, сознательно стремиться к желательному в интересах русской державы изменению политической карты как в Европе, так и в Азии”⁸⁹.

При анализе геополитических особенностей англо-германского соперничества И.И. Дусинский пришел к выводу, что не одна только Германия, но и всякая другая сильная континентальная держава, например, Россия, имеющая выход к морю и океану, может, “черпая силы из своей суши, достигнуть власти над морем и значения великой морской державы. И если морскую гегемонию Англии грозит подорвать недостаточность суши, на которую в своей метрополии может опереться английский народно-государственный организм, то ясно, что подобная опасность была бы немислима в отношении более богатой сушею континентальной державы”⁹⁰.

⁸⁷ Дусинский И.И. Геополитика России. С. 41.

⁸⁸ Там же. С. 45.

⁸⁹ Там же. С. 48.

⁹⁰ Там же. С. 146.

На основании этого, чтобы сохранить в будущем свой статус великой державы, основной задачей внешней политики России является “проложить себе, в смысле военно-политическом и экономическом, пути к морям, <...> овладеть выходами в океан”⁹¹.

“Мы должны, — отмечал И.И. Дусинский, — сохранить и использовать надлежащим образом имеющиеся у нас непосредственные выходы в океан и занять прочное оборонительное положение на глубоко врезающихся в наш материк внутренних морях – посредством ли приобретения входа в них (как в Черном море) или посредством вполне достаточного и надежного обеспечения нашей береговой линии (как в Балтийском). Наша задача во внутренних морях, таким образом, по существу вполне оборонительная и сводится к обеспечению неприкосновенности суши от влияния господствующих на морях сил. В этом сказывается влияние континентального положения России и выпадающая на ее долю роль континентальной величайшей державы, естественной охранительницы суши от покушений владеющих морем держав. Если же когда-либо нашей родине удастся и самой стать великой морской державой, способной сознательно стремиться к преобладанию не только на европейско-азиатском материке, тогда исходной точкой активной морской политики России станет не одно из европейских внутренних морей, а наше тихоокеанское побережье и, главным образом, столь основательно забытый ныне Петропавловский порт на Камчатке”⁹².

Исходя из вышеизложенного, подводя предварительный итог изучению сущности, особенностей, динамики развития событий “Большой Игры” основоположниками цивилизационного подхода (панславистом Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым), а также другими представителями панславизма (Р.А. Фадеевым и И.И. Дусинским), можно констатировать, что оно осуществлялось ими фрагментарно, прежде всего в рамках исследования цивилизационного противостояния России и Запада. Но если для К.Н. Леонтьева анализ англо-русского противостояния фактически не входил в сферу его научных интересов, то представители панславизма (Н.Я. Данилевский, И.И. Дусинский, в меньшей степени — Р.А. Фадеев) уделяли ему гораздо большее внимание.

Продолжение следует

⁹¹ См.: Дусинский И.И. Геополитика России. С. 149.

⁹² Там же. С. 153.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большая Советская Энциклопедия. М., 1971.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
Данилевский Н.Я. Горе победителям! // Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнение к книге “Россия и Европа”. М., 2013.
Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003.
Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.
Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
Леонтьев К.Н. Из жизни христиан в Турции // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 3. СПб., 2001.
Леонтьев К.Н. Египетский голубь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 5. СПб., 2003.
Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

REFERENCE

- Boł'shaya Sovetskaya Ehntsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. M., 1971 (in Russian).
Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe.]. M., 1991 (in Russian).
Danilevskij N.Ya. Gore pobeditelyam! [Woe to the winners!] // Danilevskij N.Ya. Politicheskaya filosofiya. Dopolnenie k knige “Rossiya i Evropa”. M., 2013 (in Russian).
Dusinskij I.I. Geopolitika Rossii [Geopolitics of Russia]. M., 2003 (in Russian).
Elishev S.O. O sushhnosti “sovremennykh revolyutsij” i gosudarstvennykh perevorotov [On the essence of “modern revolutions” and coups d'état]. M., 2017 (in Russian).
Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Policy. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).
Fadeev R.A. Gosudarstvennyj poryadok. Rossiya i Kavkaz [State order. Russia and the Caucasus]. M., 2010 (in Russian).
Filosofskij ehntsiklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. M., 1989 (in Russian).
Leont'ev K.N. Izbrannoe [Favorites]. M., 1993 (in Russian).
Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo [East, Russia and Slavism]. M., 1996 (in Russian).
Leont'ev K.N. Iz zhizni khristian v Turtsii [From the life of Christians in Turkey] // Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12 t. T. 3. SPb., 2001 (in Russian).
Leont'ev K.N. Egipetskij golub' [Egyptian pigeon] // Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12 t. T. 5. SPb., 2003 (in Russian).